Английские реформаторы, хотя и отказались от католического вероучения, в то же время сохранили многие его формы. Хотя в основном они и отвергали авторитет и символ веры папства, но немало его обычаев и обрядов вошли и в богослужение англиканской церкви. Утверждалось, что эти традиции не являются вопросом совести; что, хотя в Писании они не упоминаются и, следовательно, несущественны, но вместе с тем и не запрещены и по сути не причиняют вреда. Их соблюдение могло уничтожить пропасть разделения между реформированными церквами и Римом и способствовать принятию католиками протестантской веры.

Для консерваторов и тех, кто склонен к компромиссу, эти доказательства казались вполне логичными. Но были и другие люди, которые рассуждали по-иному. Тот факт, что эти обычаи "перебрасывали мост между Римом и Реформацией", являлся, по их мнению, самым убедительным аргументом против их соблюдения. В них видели они символ своего рабства, от которого были освобождены, ярмо которого не желали больше надевать. Они указывали, что принципы богослужения Господь предначертал в Своем Слове, и люди не вправе ни прибавлять к ним, ни отнимать от них что-либо. Великое отступничество с того и началось, что авторитет Божий был дополнен авторитетом церкви. Сначала Рим установил запреты на то, что Бог не запрещал, а в конце концов запретил то, что было установлено Господом.

Многие искренне желали возвратиться к чистоте и простоте раннего христианства. Большинство обычаев англиканской церкви представлялись им памятниками язычества, и совесть не позволяла им принимать участие в таких служениях. Но церковь, пользуясь поддержкой светской власти, не допускала никаких отступлений от своих установлении. Закон обязывал всех посещать богослужения официальной церкви, какие-либо другие религиозные собрания были запрещены под угрозой тюремного заключения, высылки и смерти.

В начале XVII века взошедший на престол монарх заявил о своем твердом намерении "заставить всех пуритан признать авторитет англиканской церкви или же... покинуть страну, во избежание более строгих мер". Гонимые, преследуемые, бросаемые в тюрьмы, они не видели никакой надежды на лучшее время, и многие пришли к убеждению, что для всех, желающих служить Богу согласно своей совести, "Англия перестала быть местом, пригодным для житья". Некоторые наконец решились искать убежища в Голландии, но столкнулись с трудностями, лишениями, преследованиями. Их планы срывались, благодаря предателям они не раз оказывались в руках врагов, но непреодолимая настойчивость все же победила, и они нашли убежище на гостеприимной земле Голландской республики.

Спасаясь бегством, они оставляли свои дома, имущество и средства к существованию. Оказавшись на чужбине среди людей с незнакомым языком и обычаями, они были вынуждены заниматься новым, незнакомым делом, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Немолодые люди, которые всю жизнь трудились на земле, теперь осваивали различные технические профессии. Но они стойко принимали все, что выпадало на их долю, и не теряли времени в бездействии и жалобах. Не раз испытывая самую острую нужду, они благодарили Бога за благословения, которые получали от Него, находя наивысшую радость в свободе духовного общения. "Они смотрели на себя как на пилигримов и не обращали внимания на преходящее, но поднимали взор к Небу, своей дорогой отчизне, таким образом обретая покой".

Изгнание и лишения укрепили их веру и любовь. Они уповали на обетования Господа, и Он не оставил их в нужде. Божьи ангелы всегда были рядом, они ободряли и поддерживали странников. И когда рука Господня направила их через океан — к земле, где они могли бы основать свое государство и оставить в наследие своим потомкам религиозную свободу, они не колеблясь пошли вперед по пути, указанному провидением.

Господь допустил испытания для Своего народа, чтобы подготовить его к принятию Божественных милостей. Церковь была унижена для того, чтобы она могла возвыситься. Бог был готов вступиться за нее, чтобы показать миру: Он не забывает тех, кто уповает на Него. Он направлял все события таким образом, что гнев сатаны и замыслы нечестивцев способствовали бы проявлению Его славы и безопасности народа Божьего. Преследования и изгнание открыли путь к свободе.

Вынужденные отделиться от англиканской церкви пуритане сплотились, дав торжественное обещание, что будут, как свободный народ Божий, "ходить по всем Его путям, уже известным им или еще неведомым". В этом и выражался истинный дух реформы, жизненный принцип протестантизма; с этим намерением пилигримы и оставили Голландию, чтобы обрести новую родину в Новом Свете. Джон Робинсон, их пастор, который, по провидению Божьему, не поехал вместе с ними, прощаясь с изгнанниками, сказал: "Братья! Мы скоро расстанемся с вами, и только Господь ведает, увижу ли я еще раз ваши лица. Но позволит ли нам Господь увидеться или нет, я умоляю вас перед Богом и Его святыми ангелами: следуйте за мной только в том, в чем я следовал Христу. Если Бог пошлет вам еще новый свет через кого-либо другого, будьте готовы принять его, как вы принимали и от меня всякую истину; ибо я твердо знаю, что у Господа еще много света и истины, которые должны быть открыты в Его Слове.

Что касается меня, то я глубоко страдаю от нынешнего состояния реформированных церквей, которые достигли определенного этапа в религиозном развитии и не желают больше сделать ни одного шага дальше, чем основоположники Реформации. Лютеране не желают смотреть дальше, чем видел Лютер... кальвинисты, как вы видите, так и застыли на том месте, где были оставлены этим великим мужем Божьим, который, однако, не знал всего. Как прискорбно, что церкви оказались в столь жалком состоянии. Основатели их в свое время несли свет миру, но все же они не постигли всю глубину наставлений Господа, — если бы они теперь были живы, то смогли бы воспринять новый свет, как некогда приняли его первые лучи".

"Помните обещание, которое вы давали в церкви, — ходить всеми путями Господа, уже известными вам, и теми, которые откроются в будущем. Помните о пашем обещании и завете с Богом и друг с другом принимать всякий свет и истину, которые откроются вам через Его Слово, запечатленное на бумаге. Но будьте осторожны, умоляю пас; прежде чем принять истину, взвешивайте, сравнивайте с другими местами Писания, ибо невозможно, чтобы христианский мир, так недавно вышедший из непроницаемого антихристианского мрака, мог сразу же воспринять полноту совершенного познания".

Стремление обрести свободу совести воодушевляло пилигримов мужественно переносить все невзгоды продолжительного путешествия через океан, все лишения и опасности жизни в необитаемых краях, с благословением Божьим заложить на берегах Америки основание могущественной нации. Но несмотря на свою честность и богобоязненность, пилигримы все же не понимали то всей полноте значения великого принципа религиозной свободы. Свободой, приобретенной ими ценой таких огромных жертв, они не были готовы поделиться с другими. "Даже среди выдающихся мыслителей и моралистов XVII века очень немногие имели правильное представление о величайшем принципе Нового Завета, признающем Бога единственным Судьей человеческой веры". Учение о том, что Бог дал церкви право господствовать над совестью, определять и наказывать ересь, — одно из самых глубоко укоренившихся заблуждений папства. Отрекаясь от католического вероучения, реформаторы в то же самое время не был и вполне свободны от его духа религиозной нетерпимости. Еще не рассеялся полностью тот густой мрак, которым в течение долгих столетий папство окутывало все христианство. Один из видных деятелей штата Массачусетс сказал: "Это веротерпимость сделала мир антихристианским; и нет беды в том, что церковь наказывает еретиков". Колонисты приняли постановление, по которому только члены церкви имели право голоса в гражданском правлении. Была создана своего рода государственная церковь, и все люди были обязаны поддерживать духовенство, а городские власти получили полномочия пресекать всякую ересь. Таким образом, светская власть оказалась в руках церкви. Подобные меры вскоре привели к неизбежному последствию — гонениям.

Спустя одиннадцать лет после основания первой колонии в Новый Свет приехал Роджер Уильямс. Подобно первым пилигримам, он стремился сюда, чтобы обрести свободу, но, в отличие от них, понимал, что свобода — неотъемлемое право всех людей, независимо от их вероисповедания. Он был искренним искателем правды, разделяя вместе с Робинсоном мнение, что вся полнота света Слова Божьего миром еще не воспринята. Уильямс "был первым человеком в современном христианстве, который в основу гражданского правления заложил принципы свободы совести и равенства убеждений перед лицом закона". Он заявил, что власть обязана пресекать преступления, но ни в коем случае не попирать свободу совести. "Общество или же представители власти, — сказал он, — могут решать, как люди должны относиться друг к другу, но когда они пытаются предначертать, как человек должен относиться к Богу, то они превышают свои полномочия и создают опасное положение, ибо само собой разумеется, что если кто-то обладает властью, то сегодня он может навязывать одно вероисповедание, а завтра — совсем другое. Так поступали в Англии многие короли и королевы, подобные решения принимались папами и соборами римской церкви. В результате в вопросах веры возникло немало неразберихи".

Посещать богослужения официальной церкви требовалось под угрозой штрафа или же тюремного заключения. Уильямс осудил этот закон; одним из самых худших положений английского законодательства было требование обязательного посещения церкви местного прихода. Принуждение людей к объединению с теми, кто исповедовал другую веру, он оценивал как открытое и прямое нарушение их естественных прав; заставлять же посещать богослужения неверующих и далеких от религии людей — значило поощрять лицемерие. "Никого, — говорил он, — нельзя принуждать посещать богослужения или же помогать церкви материально". "Как? — изумлялись его противники, — разве трудящемуся не полагается платить?" "Да, — отвечал он, — но платить должны те, кто нанял служителя".

Роджера Уильямса уважали и любили как верного служителя, человека редчайших дарований, неподкупной честности и широкого сердца, но его настойчивое отрицание права светской власти управлять церковью и требование религиозной свободы эта власть стерпеть не смогла. Опасаясь, что претворение в жизнь его идей разрушит государственные устои и ниспровергнет правительство, власть имущие постановили изгнать Уильямса из колонии. Чтобы избежать ареста, он был вынужден в лютый мороз скрываться в глухом лесу.

"В течение четырнадцати недель, — впоследствии вспоминал он, — я скитался, не имея ни крова, ни куска хлеба. Но вороны кормили меня в пустыне, и дуплистые деревья не

раз служили мне убежищем". Он продолжил свой мучительный путь через непроходимые заснеженные леса, пока наконец не набрел на индейское племя, и вскоре завоевал уважение и любовь индейцев, наставляя их в евангельских истинах.

После долгих месяцев скитаний он добрался до берегов Нарагенсетского залива, где и заложил основание первого штата, в котором, в полном смысле этого слова, признавалось право на религиозную свободу. Фундаментальным принципом колонии Роджера Уильямса было следующее положение: "Каждый человек имеет свободу служить Богу согласно велению своей совести". Его небольшой штат Род-Айленд стал убежищем для всех преследуемых, и он все увеличивался и процветал, пока его фундаментальные принципы — гражданская и религиозная свобода — не стали краеугольными камнями Американской республики.

В важнейшем документе, который наши предки выдвинули как закон о правах — в Декларации независимости — они заявили: "Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью". Конституция гарантирует, самым недвусмысленным образом, неприкосновенность совести: "Религиозные убеждения не могут служить основанием или препятствием для получения ответственного поста в Соединенных Штатах". "Конгресс не должен законом обязывать исповедание какой-либо религии или же запрещать ее исповедание".

"Авторы Конституции признали незыблемость принципа, согласно которому отношения человека с Богом неподвластны человеческим законам, а права совести неприкосновенны. Эта истина не нуждается в доказательствах — она живет в нашей душе. Именно она, вопреки всем человеческим законам, и помогла многим мученикам переносить пытки и костер. Они сознавали, что их долг перед Богом выше всяких человеческих установлении, что человек не властен над их совестью. Этот врожденный принцип невозможно искоренить".

Когда в европейских странах распространились слухи о том, что существует государство, где каждый человек может наслаждаться плодами своих трудов и слушаться голоса своей совести, тысячи людей устремились к берегам Нового Света. Колонии быстро росли. Штат Массачусетс особым законом предлагал убежище и безвозмездную помощь христианам любой национальности, которые прибудут из-за океана, "спасаясь от войны, голода и преследований". Так беженцы и гонимые люди стали силой закона гостями государства. И спустя двадцать лет после того, как первый

пароход бросил свой якорь в Плимуте, многие тысячи пилигримов поселились в Новой Англии.

Ради желанной свободы "они были согласны вести самый скромный и самоотверженный образ жизни. Они рассчитывали получить от земли только вознаграждение за свои труды. Никакие заманчивые картины обогащения не обольщали их... Они радовались медленному, но верному совершенствованию государственного устройства, своими слезами поливая дерево свободы, пока оно не пустило глубокие корни".

Библия была для них основанием веры, источником мудрости и уставом свободы. Ее принципы прилежно изучались дома, в школе и церкви, и плодами этого стали бережливость, здравый смысл, целомудрие и воздержание. Можно было прожить целые годы в пуританских колониях и "не встретить ни одного пьяного, не услыхать ни одного проклятия и не увидеть нищего". Это было живое свидетельство того, что библейские принципы — верная гарантия национального величия. Слабые обособленные поселения превратились в конфедерацию могущественных штатов, и мир с удивлением отмечал, что возможно процветание и покой "церкви без папы и государства без короля".

Но к берегам Америки постоянно прибывали люди, намерения которых не имели ничего общего с побуждениями первых пилигримов. Хотя первозданная вера и чистота оказывали могучее преобразующее влияние, оно заметно слабело по мере того, как увеличивалось число тех, кто искал здесь только материальных выгод.

Принятые первыми колонистами постановления о том, что только члены церкви имеют право голоса, а также и право занимать ответственные посты в гражданских органах власти, привели к пагубным последствиям. Такие меры были предприняты для сохранения государства, но вызвали они разложение церкви. Поскольку вероисповедание было условием участия в выборах и общественной деятельности, многие, желая занять определенное положение в государстве, становились членами церкви лишь формально, сердца их остались безучастны. Таким образом, церкви состояли в основном из необращенных, даже среди служителей были люди, не только проповедовавшие превратные идеи, но и ничего не знавшие о преобразующей силе Святого Духа. Последствия этого были пагубны, как не раз случалось в истории церкви со времен Константина и до наших дней, когда церковь пытались созидать с помощью государства, когда обращались к светской власти для поддержания Евангелия Того, Кто сказал: "Мое царство не от мира сего". Связь церкви с государством, пусть даже незначительная, направленная на то, чтобы приблизить мир к церкви, в

действительности же только приближает церковь к миру.

Истина постоянно открывается, все христиане должны быть готовы принять свет, который может воссиять со страниц святого Слова Божьего, — этот великий принцип, который так благородно отстаивали Робинсон и Роджер Уильямс, был утрачен их потомками. Протестантские церкви Америки и Европы, получив величайшие благословения Реформации, не пошли вперед по пути реформы. Хотя время от времени и появлялись верные мужи, возвещая новую истину и разоблачая долго господствовавшие заблуждения, большинство, подобно иудеям во дни Христа или папистам во времена Лютера, довольствовались верой своих отцов и не желали изменить своего образа жизни. Поэтому религия вновь скатилась к формализму, к своим прежним заблуждениям и суевериям, которые сами по себе были бы изжиты, если бы церковь продолжала "ходить во свете" Слова Божьего. Дух Реформации постепенно угас, пока в протестантских церквах не назрела такая же огромная потребность в реформе, как это было в римской церкви во времена Лютера. Там царила та же светскость и духовное оцепенение, благоговение перед человеческими мнениями и подмена учения Слова Божьего теориями, созданными людьми.

Повсеместное распространение Библии в начале XIX века и великий свет, просиявший над миром, не привели к соответствующему успеху в познании истины и религиозной практике. Сатана больше не мог, как раньше, скрывать Слою Божье от народа, ибо оно стало доступным для всех, но для достижения своей цели он побудил многих не дорожить им. Пренебрегая возможностью изучать Писание, люди по-прежнему принимали ложные толкования и держались учений, не имеющих никакого основания в Библии.

Видя безуспешность своих усилий уничтожить истину при помощи гонений, сатана вновь возвратился к принципу соглашательства, который привел в свое время к великому отступничеству и образованию римской церкви. Теперь он обольщал христиан соединиться уже не с язычниками, а с теми, кто своей преданностью земным благам проявили себя как истинные идолопоклонники, поклонявшиеся деревянным изображениям. Последствия этого союза были не менее губительны, чем в прошлом: под маской религии воспитывались гордость, роскошь, и церкви разлагались. Сатана продолжал извращать библейские истины; традиции, погубившие миллионы душ, пустили глубокие корни. Церковь, вместо того чтобы бороться за "веру, однажды преданную святым", приняла эти традиции и защищала их.

Так были уничтожены те принципы, за которые боролись страдали реформаторы.